

## СОЛДАТЫ-ПРИАМУРЦЫ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НОВОБРАНЦА ПО МАТЕРИАЛАМ РГИА ДВ

**Захарченко Игорь Алексеевич**

Аспирант, Дальневосточный  
федеральный университет, г. Владивосток  
zia1305@mail.ru

**SOLDIERS OF THE FIRST WORLD WAR:  
A SOCIO-CULTURAL PORTRAIT OF  
A CONSCRIPT (BASED ON THE MATERIALS  
OF THE VLADIVOSTOK CITY MILITARY  
SERVICE FOUNDATION)**

**I. Zakharchenko**

*Summary:* The article is devoted to the recruits drafted into the active army by the Vladivostok city military service presence. The purpose of the study is to compile a socio-cultural portrait of a conscript based on the data of the admission form lists. The documents of the Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV) are used as sources. The information of 267 – conscripted recruits has been collected. It was revealed that the majority of conscripts by nationality were Russians (Great Russians, Little Russians and Belarusians). Only 4% of the conscripts were natives of the Amur Region. Most of the conscripts were single, and among the married there were also many children. By class, 62% of the recruits were peasants, by occupation before the army they were laborers, artisans, and craftsmen, who mainly worked on the construction of the Vladivostok fortress. 50% of the conscripts could read and write. These studies cover only a part of the recruits' personal files, therefore, in order to fully create a socio-cultural portrait of a Amur soldier called up for military service, further research is envisaged in this area.

*Keywords:* World War I, recruits, mobilization, Amur Region, Vladivostok city military service presence, admission form list, military personnel file.

*Аннотация:* Статья посвящена новобранцам, призванным в действующую армию Владивостокским городским по воинской повинности присутствием. Исследование выполнено на основе документов, отложившихся в фонде Владивостокского городского по воинской повинности присутствия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). По результатам анализа данных приёмно-формулярных списков новобранцев предпринята попытка представить социальный портрет призванного Приамурского края. Обобщены сведения по национальному составу, месту рождения и проживания, составу семьи, образовательному уровню, сословной принадлежности и занятости на момент призыва в действующую армию.

*Ключевые слова:* Первая мировая война, Приамурский край, мобилизация, Владивостокское городское по воинской повинности присутствие, новобранцы, приемно-формулярный список, личное дело военнообязанного.

История XX в. и первой четверти XXI в. ознаменована чередой больших и малых войн, основным участником которых стал «человек с ружьем». Отмеченные события создали особый социально-психологический и социокультурный феномен «человека, воюющего» [15, с. 45–54], изучение которого в современных условиях происходит в рамках военной антропологии.

Среди проблем, которые стоят в центре внимания историков, находится и реконструкция социального образа участников войны. В большинстве эти проблемы, как правило, раскрываются на материалах Великой Отечественной войны [16, с. 8–24] и в меньшей мере в качестве объекта исследования выбираются участники Первой мировой [17, с. 117–134]. И это предсказуемо, ведь Первая мировая война практически не отражалась в общественной памяти вплоть до конца XX века. В России «не было культа Великой войны» и не существовало «движения за сохранение и поклонение памяти её

жертв» [18, с. 246–258].

Образ русского солдата времен Первой мировой войны начинает своё возрождение спустя столетие. Исследователи начинают использовать материалы зарубежной и периодической печати [19, с. 30–33], пробуют показать визуализацию образа через призму агитационных плакатов [20, с. 455–458], страдания и переживания участника военного конфликта раскрывают через дневники и личные воспоминания.

Первая мировая война потребовала привлечения огромных людских масс и напряжения экономики государств. Население участвовавших в войне государств превышало 1 млрд. чел. (67% населения земного шара). Число мобилизованных достигало 66 млн – 5,8% всего населения стран, принимавших участие в военном конфликте.

В начале XX века Россия была одной из самых влиятельных стран мира. В канун Первой мировой войны численность вооруженных сил России до объявления общей мобилизации составляла 1423 тыс. чел. [3, с. 88]. Наш военный закон – Устав воинской повинности 1912 г. – предоставлял в случае войны использовать всё способное носить оружие мужское население государства в возрасте от 20 до 43 лет включительно, т.е. 24 призывных возраста, что составляло примерно 12 млн мужчин, с учетом льгот, которые по уставу освобождали от военной службы. Если же брать всех физических способных мужчин, то эта численность увеличивалась до 15 млн чел. [21, с. 127].

Мобилизация в России была объявлена 17 июля 1914 г. и уже на 5-й день были призваны ратники ополчения I разряда в возрасте 40–43 лет численностью 400 тыс. человек. Одновременно в Европейской России были призваны еще 400 тыс. ратников I разряда младших возрастов (22–25 лет). Всего с начала войны и до 1 марта 1917 г. было мобилизовано 15 млн 123 тыс. чел. [8, с. 17].

Цель статьи – представить социальный портрет солдата Первой мировой войны – новобранца, призванного в ряды действующей армии из самого отдаленного от мест военных событий региона Российской империи – Приамурского края.

Основой исследования стали документы фонда «Владивостокское городское по воинской повинности присутствие» Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (ф. 20). В процессе исследования были изучены личные дела военнообязанных за 1914 – 1916 гг.; списки лиц, освобожденных от призыва за 1915 г., неспособных к военной службе за 1917 г.; ратников запаса и ополченцев за 1917 г., а также формулярные списки новобранцев за 1916–1917 гг. Кроме того, были использованы послужные списки и свидетельства об отбытии воинской повинности из фонда Приморского областного по воинским делам присутствия (ф. 16), содержащие важную персональную информацию.

Первым днем мобилизации в Приамурском военном округе принято считать 19 июля 1914 г. Именно с этого момента в мобилизационном процессе приняли участие штаб Приамурского военного округа и воинские начальники со стороны военного ведомства, с одной стороны, и система воинских присутствий управления воинской повинности Министерства внутренних дел, с другой. В первую очередь призывались запасные нижние чины.

В 1914 г. в состав Приамурского генерал-губернаторства входили Амурская, Приморская, Камчатская, и Сахалинская области. Уставом от 1912 года русское население Камчатской и Сахалинской областей было освобождено от отбывания воинской повинности. В При-

морской области с 18 марта 1909 года была введена воинская повинность. В армию призывали всех русских жителей и корейцев, имевших русское подданство. За первые пять лет после введения закона в войска призвали: в 1909 году – 705 человек, в 1910-м – 640, в 1911-м – 742, в 1912-м – 711, в 1913-м – 1146 человек.

На 1 января 1914 года в области проживало 364,1 тысячи мужчин. Поэтому призыв в армию до начала войны был небольшим [9, с. 21].

В Приморской области первая мобилизация прошла 15 сентября 1914 г. Военный губернатор А.Д. Сташевский во всеподданнейшем отчете отмечал: «с объявлением мобилизации ушло 30000 запасных нижних чинов и несколько тысяч добровольцев. Кроме того, взято 13691 лошадь и 613 повозок» [22]. Т.Я. Иконникова считает, что в подаваемые сведения о численности добровольцев преувеличены, полагая, что в них учитывалось лишь число просьб о направлении на фронт, но не реальное их количество. Поскольку эти просьбы шли в основном от учащихся, а также ветеранов Русско-японской (1904–1905 гг.) и даже Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войн, все они получили отказ. В 1914 г., по её сведениям, добровольцами или, как их тогда называли, «охотниками», на военную службу были зачислены из Приморской области 14 чел., а из Амурской – 4 человека, т.е. совсем немного относительно общей массы призванных [5, с. 77]. Тем не менее, каждый из этих «охотников» проявил гражданскую позицию, добровольно встав под ружьё защищать страну. Их вклад, хоть и малочисленный, — часть большой истории Первой мировой войны в России.

А.Д. Сташевский по итогам мобилизации 1914 г. докладывал: «Вновь образованные за два месяца областное, уездные и городские по воинской повинности присутствия провели мобилизацию быстро и в полном порядке, насколько позволили это местные условия: бездорожье и громадные пространства призывных участков» [7, с. 76]. Однако в ходе мобилизации не всё проходило гладко. Так, в Никольске-Уссурийском больше половины запасных нижних чинов не прибыло на сборный уездный пункт. Во Владивостоке 22 сентября у барачков воинского начальника на Первой речке произошло столкновение ратников ополчения с полицией. Причиной конфликта стала попытка чинов полиции задержать пьяных ратников, за которых вступились остальные. 28 сентября на Харбинском вокзале прибывшие эшелонам Владивостокские ратники около 200 человек разбрелись по городу, перепились и явившись пьяными толпами к вокзалу, стали буянить [1, с. 5–19].

За призыв в городе Владивостоке отвечал председатель призывной комиссии, он же городской голова - отставной генерал-майор И.А. Ющенков. Именно его подпись и росчерк пера «годен в строй» или «не годен

в строй» решала в дальнейшем судьбу новобранца. При председателе Владивостокского городского по воинской повинности присутствия была учреждена должность его секретаря.

В период призыва объем бумажной работы на единственного секретаря был огромным. Это приводило к недостаткам в оформлении документов из-за отсутствия необходимых сведений о новобранцах.

Личное дело военнообязанного представляло собой индивидуальную папку с пакетом «истребуемых» присутствием документов. После освидетельствования новобранца в воинском присутствии оформлялся приёмно-формулярный список, в котором отражались его персональные данные. Перечень граф содержал сведения о происхождении, личном и семейном положении, вероисповедании и сословной принадлежности, а также антропометрические показатели призываемого (рост, вес и объем груди). Приёмно-формулярные списки оставались в архиве воинского присутствия. Военнообязанного, годного к военной службе, в дальнейшем сопровождал уже приёмный формулярный список, который состоял из 2-х почти идентичных частей. На левой части списка ставилась отметка о дате прибытия новобранца в воинскую часть, засвидетельствованная подписью и печатью строевого командира. Эта часть документа, по прибытию новобранца в войсковую часть, возвращалась уездному воинскому начальнику. Правая же половина документа с подписью уездного воинского начальника оставалась в войсковой части.

Всего в ходе исследования было изучено 345 личных дел, в которых сохранилось 267 приёмно-формулярных списков призывников, годных к военной службе. В 46 делах графы с указанием возраста «пустовали», поскольку далеко не у всех призывавшихся оказались на руках метрические свидетельства. Возраст новобранцев определялся субъективно по наружному виду и устанавливался комиссией воинского присутствия большинством голосов. При разногласии данные поступали на рассмотрение и утверждение комиссии областного присутствия, которое могло произвести вторичное освидетельство-

вание указанного лица. Поэтому данные в графе «возраст», очевидно, проставлялись уже после повторного рассмотрения комиссией непосредственно перед передачей приемных формулярных списков воинскому начальнику.

Согласно Уставу о всеобщей воинской повинности призыву подлежали молодые люди, которым только минуло 20 лет. Средний возраст новобранца по сведениям приёмно-формулярных списков во Владивостокском городском по воинской повинности присутствии составил 22 года. Самым возрастным оказался крестьянин Тульской губернии Никитин Антон Степанович, которому на момент прибытия к Владивостокскому воинскому начальнику исполнилось 33 года.

Можно отметить, что в основном военнообязанные были пришлыми либо переселенцами из других регионов, уроженцев Приамурского края было незначительное количество. Большинство призывников были родом из губерний Европейской России (Витебская, Виленская, Киевская и др. губернии), затем шли уроженцы Сибири (Енисейская, Тобольская и др. губернии), встречались также уроженцы Варшавской губернии.

Данные приёмно-формулярных списков позволяют проанализировать состав новобранцев относительно вероисповедания, сословного происхождения, семейного положения, а также образования, национальности и рода занятий.

По вероисповеданию население России в основном было православным (70%), затем следовали магометане (10,83%), католики (8,91%), протестанты (4,85%), иудеи (4,05%) и армяно-грегориане (0,96%).

В 59 графах по вероисповеданию из 267 отсутствовали данные по религиозной конфессии новобранцев. Причина отсутствия записей банальна, просто секретарь, отвечающий за письменное заполнение приёмно-формулярных списков, из-за своей загруженности, игнорировал необходимость внесения полноты некоторых данных. Для получения статистических данных по каж-

Таблица 1.

Данные приёмно-формулярных списков Владивостокского по воинской повинности присутствия по вероисповеданию.

Категория	Средняя доля	Среднее количество	Статистический показатель (%)
Православные	0,831	221	82,8
Католики	0,079	21	7,9
Иудеи	0,045	12	4,5
Магометане	0,015	4	1,5
Прочие христиане	0,030	8	3
Прочие нехристиане	0,004	1	0,3

дой группе был применен метод пропорционального распределения, результат которого можно посмотреть в нижеследующей таблице.

Более половины всех жителей Российской империи составляли русские. Затем следуют по численности турецко – татарские племена, составляющие 10,6% населения государства. За татарами следуют поляки – 5,8%. За поляками следуют финны – 4,5%. За финнами – евреи 3,9%. Замыкает список жителей административных частей империи литовско-латышская народность. Перечисленные национальности составляют свыше 93% всего населения России [2, с. 515]. В Приамурском крае данные по национальному составу населения расходились с общероссийскими. В 1912 году в Амурской области русские составляли 86,4% и 12% иных этносов, в Приморской области с островом Сахалин 52,6% и 41,3%, соответственно [2, с. 514]. В приёмно-формулярных списках графа с наименованием «национальность» отсутствовала, но данные в графе «родной язык», подлежали заполнению. Типичные записи в данной графе включали:

- русский — указывался подавляющим большинством, включая переселенцев из центральных, южных и западных губерний;
- великорусский — официальный термин для языка этнических русских;
- малорусский — украинский язык; встречался у призывников из Малороссии (современная Украина);
- белорусский — уроженцы Белоруссии, хотя нередко также записывались как «русские» по папорту;
- польский, еврейский (идиш или иврит), немецкий, латышский, эстонский, китайский, корейский — в зависимости от состава населения региона.

Особенность Владивостока в 1914 году — многонациональный состав населения, поэтому среди новобранцев могли встречаться:

- корейцы — переселенцы с севера Корейского полуострова;
- китайцы — в основном как подозреваемые в нелегальном пребывании, но некоторые призывались при наличии гражданства;
- поляки, немцы, евреи — переселенцы из западных губерний.

Анализ записей в графе «родной язык» показывает следующую динамику:

Русские .....78 чел.  
 Евреи.....4 чел.  
 Поляки.....1 чел.  
 Графы не заполнены.....184 чел.  
 Всего.....267 чел.

Следует отметить отсутствие значительного количе-

ства записей в графе «родной язык». Данный факт объясняется тем, что указанная информация не считалась значимой для цели документа, так как приёмно-формулярный список оставался с личным делом новобранца в воинском присутствии, а в его приёмном формулярном списке, оформляемом у воинского начальника, эта графа отсутствовала.

Таким образом, родной язык в призывных документах — ключевой показатель этнической идентичности, особенно в отсутствие прямой графы «национальность».

Российское правительство прилагало большие усилия к преодолению тяжелого недуга российского общества – низкого уровня грамотности: расходы по министерству народного просвещения возросли с 1900 года почти в 5 раз, составив в 1913 году 14,6% бюджетных расходов [9, с. 4]. Однако образованность населения оставалась низкой: из 1000 человек населения грамотных было лишь 211 или 21% [2, с. 519]. В Российской империи грамотными называли тех, кто умел читать и писать, в том числе и не на русском языке. Малограмотными считались люди, которые могли только читать. Остальные были неграмотными. В исследованиях о распространении грамотности среди низших слоёв общества в Российской империи часто упоминают низкий процент грамотных призывников, что служит показателем уровня грамотности в стране в целом. Военно-статистический ежегодник за 1912 год даёт представление о грамотности рядового состава Русской армии. Из общей численности сухопутной армии, грамотные составляли 47,41%, малограмотные 24,09%, неграмотные 28,59% [2, с. 373]. Как видим, грамотные нижние чины в Российской армии в целом превосходили уровень грамотности низших сословий населения Российской империи. Если брать грамотность мужского населения в Приамурском крае, то на 1000 мужчин в Амурской области приходилось 347 человек, а относительный показатель грамотных мужчин (не считая детей до 9 –летнего возраста) составлял 44%. В Приморской области 324 человека и 38% соответственно [2, с. 519].

Сведения о грамотности новобранцев Владивостокского городского по воинской повинности присутствия были засвидетельствованы в приёмно-формулярных списках, согласно которым 50% из них были грамотными, 10%; малограмотными и неграмотными – 13%, что в принципе соответствует статистическим данным 1912 года по сухопутной армии России. У 26% новобранцев сведения о грамотности были не заполнены.

В статистическом ежегоднике России соотношение городского и сельского населения в 1914 г. составляло в Сибири 11,9% против 88,1% соответственно [13, с. 61]. Призыв в армию инородцев не осуществлялся, а распределение новобранцев в сословной системе по спискам

Владивостокского городского присутствия представлены диаграммой (Рис. 1).

Графа «семейное положение» новобранцев в отдельных приемно-формулярных списках также остается незаполненной, но метод пропорционального распределения данных даёт возможность представить семейное положение новобранцев по категориям. Большинство новобранцев были холостыми - 85%. Женатых призывников оказалось 15%, у 7% из которых были дети. Среди женатых призывников были и многодетные. Так, годными в строй были признаны крестьяне-переселенцы

из Киевской губернии Цехмистренко Федор, имеющий двух дочерей и сына и Рудыч Ерофей, отец двух сыновей и двух дочерей [10].

Как отмечают исследователи, экономический ущерб от ухода работника из семьи оценивался в среднем 60 руб. в год, а на самом деле был больше, так как родным приходилось ещё и высылать солдату деньги по его просьбе [1, с. 5–19].

В годы Первой мировой войны государство оказывало поддержку семьям военнослужащих. Это стало

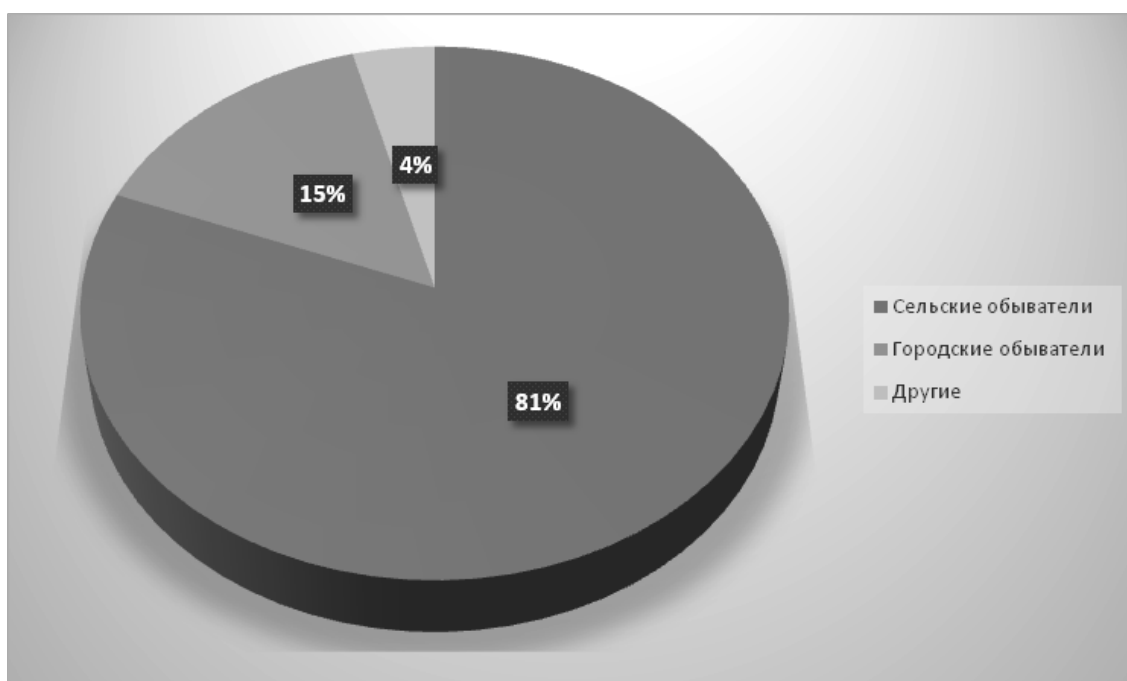


Рис. 1. Сословный состав новобранцев

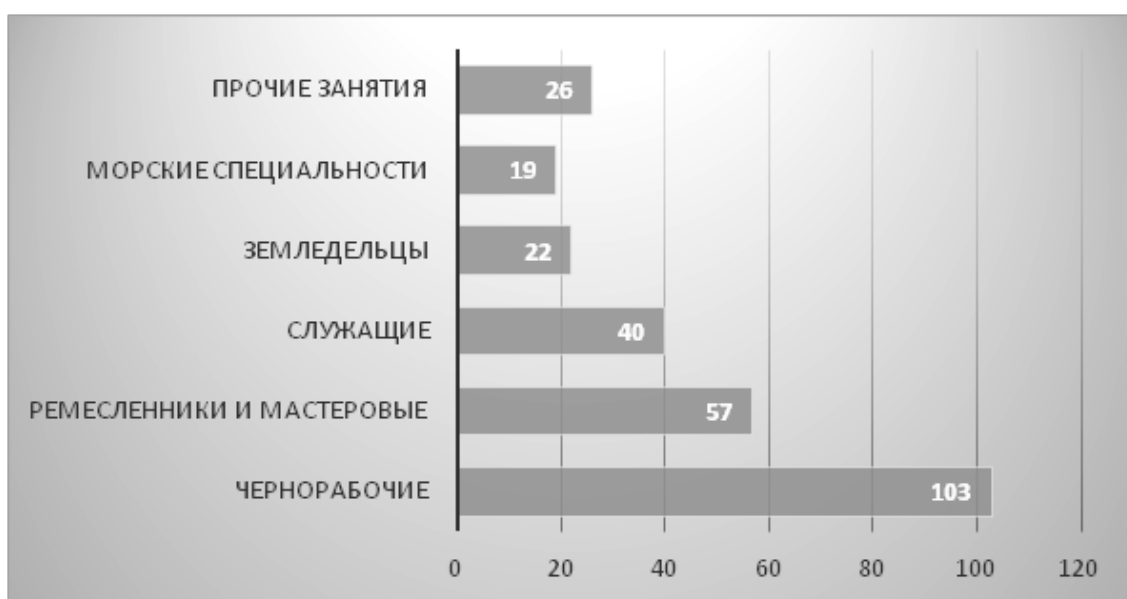


Рис. 2. Распределение новобранцев по роду занятий



Рис. 3. Социальный портрет новобранца–приамурца в годы Первой мировой войны

частью комплексной социальной политики, целью которой было укрепить оборону страны, поддержать моральный дух армии и обеспечить стабильность в тылу. Помощь семьям призванных на фронт достаточно широко освещены региональными исследователями. Т.Я. Иконникова детально исследовала вопрос организации на Дальнем Востоке особых присутствий по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных на войну [23, с. 280]. Т.З. Позняк в своей монографии «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914-1922)» проанализировала деятельность Владивостокского городского самоуправления в деле призрения семей нижних чинов, раскрыла проблемы, возникавшие при взаимодействии власти и общества в этой сфере.

В деятельность по освидетельствованию призывни-

ков Владивостокского присутствия помимо города Владивостока вошли город Харбин, и крепость. Официально Владивосток стал крепостью 30 августа 1889 г. К 1914 г. строительство крепости было завершено примерно на 2/3, однако даже в связи с началом Первой мировой войны строительные работы не останавливались. Именно поэтому большинство молодых людей, в прошлом сельских обывателей, пополняли призывные списки присутствия со строительных участков крепости с отметкой в графе «Род занятий» – чернорабочий.

Из города Харбин для освидетельствования в городском присутствии были вызваны 20 призывников, из которых 13 новобранцев были приняты на военную службу. В Харбине призывники в основном занимались конторскими делами и обслуживанием КВЖД. Призывом новобранцев из г. Харбин Владивостокское городское

присутствие занималось до 23 февраля 1916 г. После 8 марта, в Харбине были учреждены два временных присутствия по воинской повинности – губернское и уездное [12], которое в последующем и занималось призывом в действующую армию.

По роду занятий новобранцы Владивостокского воинского присутствия показаны в приводимой ниже диаграмме (Рис. 2).

Данные приёмно-формулярных списков свидетельствуют, что в войска призывались в большинстве своем русские (великороссы, малороссы, белорусы), оказавшиеся на Дальнем Востоке по переселению и лишь 4% новобранцев были выходцами из Приамурского края. Средний возраст призываемых составлял 22 года, максимальный – 33 года. Среди новобранцев преобладали православные (82,8%). По сословной принадлежности 80,9% новобранцев были сельскими и 15% городскими обывателями, и лишь малая часть были выходцами из дворян и духовенства. По роду занятий среди призывников выделялись чернорабочие (38,6%), ремесленники и мастеровые (21,4%). Новобранцы как правило были холостыми (85%). 50% призывников могли читать и писать. Исходя из вышеизложенного можно представить социальный портрет новобранца в виде рисунка «человека с ружьём».

Подводя итог, следует отметить, что созданный социальный портрет новобранца реконструирован по сведениям из вводимых в научный оборот региональных источников – приёмно-формулярным спискам Владивостокского городского по воинской повинности присутствия. Приёмно-формулярный список является довольно надёжным источником для детализации «человека, воюющего», но в то же время имеет и недостатки. Анализ проведенных сведений в графах говорит о том, что часть данных при оформлении документов новобранца по причине «человеческой несобранности» не вносилась в отдельные графы и поэтому выявление закономерностей потребовало применения необходимых математических методов.

Приёмно-формулярный список является лишь частичкой сложной мозаичной структуры образа солдата-приамурца – участника Первой мировой войны. Хочется отметить, что данный портрет является пока не полным и требует изучения сведений из других документов. В воинском присутствии – это приёмная роспись новобранцев на военную службу, у воинского начальника – приёмный формулярный список. Последующие исследования отчетов воинских присутствий Приамурского края, документов о награждениях, данных по картотекам потерь и военнопленных, публикаций в материалах периодической печати дополнит наш объект изучения новыми интересными фактами.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов В.Л., Савчук А.А. Социальные последствия мобилизации в Приморской области в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 5–19. doi: 10.17223/19988613/82/1
2. Военно-статистический ежегодник за 1912 год. СПб., 1914. 582 с.
3. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. Москва: Изд – во Вече, 2014. 88 с.
4. Добровольский С.О. мобилизации Русской армии в 1914 году. Архив «НЗ». № 02 (148), 2023. С.127.
5. Иконникова Т.Я. Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914–1917гг.) / История и культура Приамурья. 2(4) 2008. С.77.
6. Новый закон о воинской повинности, 27 декабря 1914 г.: [разъяснения закона]. – М.: Б. и., 1915. С.14.
7. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны. Штрихи времени, голоса современников: Док. и материалы / Федер. арх. агентство, ФКУ «Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока» (РГИА ДВ); Сост. и ред. к.и.н. Н.А. Троицкая. – Владивосток: РГИА ДВ, 2014. – 280 с. С.76.
8. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). Центральное статистическое управление. Москва – 1925. С.8.
9. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. – Санкт-Петербург 1995. – 280 с. С.4
10. РГИА ДВ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–20
11. РГИА ДВ. Ф.430. Оп.1. Д.1. Л.3.
12. РГИА ДВ. Ф.20. Оп. 1. Д. 22. Л.164
13. Статистический ежегодник России. 1914 г., Пг., 1915. Отд. I. С.61
14. Устав о воинской повинности. СПб., 1912 С. 25–27.
15. Сенявская Е.С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. №8. С. 46–54
16. Кринко Е.Ф. Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе // Новое прошлое/ The New PastNP. 2020. №4. С.8–24.
17. Сафонов Д.А. Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. 2024. №1 (38). С. 117–134.
18. Леонтьева О.Б. Антропологический поворот в современной историографии Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. №5. С. 258–246.

19. Галкина О.И. Образ русского солдата времен Первой мировой войны на страницах британской прессы // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С.146-149; Девицына М.Ю. Образ русских солдат в журнале «Нива» в период первой мировой войны. // ГЕРОДОТ SCIENCE. 2021. №1. С.30-33.
20. А.С. Колинченко. Образ солдата Первой мировой войны в искусстве плаката. // Война и мир в отечественной истории/ Материалы международной научной конференции, в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Том 2. Санкт-Петербург, 2020. С.455-458.
21. Добровольский С.О мобилизации Русской армии в 1914 году. // Архив «НЗ». № 02 (148), 2023. С.127.
22. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 16. Оп. 1. Д.43. Л.9об.
23. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914-1922). Очерки истории. Владивосток: Дальнаука. 2018. С.280.

---

© Захарченко Игорь Алексеевич (zia1305@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»